

ВЕРОНИКА ДАУНГАН

Странные
желания

Вероника Даунгли

Роман Странные желания

«Автор»

2026

Даунгли В.

Роман Странные желания / В. Даунгли — «Автор», 2026

Роман для тех, кто ценит детали, любит наблюдать и верит, что самые важные истории начинаются с простого: «Если не сейчас, то когда?». Юлия прилетает в Нью-Йорк и наконец позволяет себе быть рядом с Джеком — без оглядки, без спешки, будто впервые за долгое время снимает невидимую броню. День начинается с тихого завтрака и неспешной поездки по Манхэттену, где каждый знакомый поворот отзывается в памяти едва уловимым эхом прошлого. Оранжевая становится метафорой их отношений: даже если чувства долго спали под снегом, их можно заново вырастить — не силой, а терпением и вниманием к каждому хрупкому ростку.

© Даунгли В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Вероника Даунгли

Роман Странные желания

Глава 1

Глава 1. Часть 1. «Танец, с которого всё началось»

Молодость не в том, как ты выглядишь, — она в том, как ты смотришь на мир: будто всё невозможное — просто вопрос времени. В этой вере и в готовности рискнуть и прячется её сила.

В молодости все силы направлены вперёд: они бурлят, ищут выхода, рвутся сквозь любые преграды, будто не признают самого слова «невозможно». Жизнь кажется игрой, где каждый поворот сулит приключение, а каждый риск — шаг к чему-то большему. В этом и живёт её главная иллюзия — сладкая, драгоценная уверенность, что ты можешь свернуть горы, успеть всюду, разгадать все тайны и ни о чём не жалеть.

А ещё молодость живёт фантазиями и мечтами. Не пустыми грёзами, а живыми картинами того, какой может стать жизнь. В них столько тепла и надежды, что они сами по себе уже становятся делом: придают шагу твёрдость, а взгляду — бесстрашие. Именно эти мечты держат тебя, когда ноги дрожат, а голос хочет сорваться.

Именно такой и была Юлия — миловидная, чуть взъерошенная девушка лет двадцати семи, в которой эта юная сила чувствовалась даже в том, как она шла по улице: будто прокладывала путь в придуманный ею мир, где всё обязательно сложится. Она приехала в Москву не ради столичной суеты, а чтобы немного подзаработать и взглянуть на город по-настоящему, изнутри, будто проверяя на прочность и его, и себя.

Она остановилась у тёти, в уютной квартире с видом на тихий дворик. По утрам здесь пели птицы, а к полудню воздух наполнялся гулом большого города — будто сама молодость жила в этом контрасте: безмятежность уживалась с жаждой движения.

В Юлии было что-то от Брижит Бардо — не нарочитая эффектность, а живая прелесть, когда девушка выглядит так, словно только что выбежала из дома, и от этого невероятно притягательна. Тётя, глядя на неё, качала головой и улыбалась:

— Ну прямо Брижит Бардо, только без всей этой киношной драмы. Ты хоть знаешь, кто это?

— Знаю, — смеялась Юлия. — Это женщина, которая не боялась быть собой. Вот и я не хочу притворяться.

Работа нашлась быстро: тётя помогла устроиться в компанию «Атлас & Узор». Юлии доверили закупки тканей, и она втянулась мгновенно: в ней проснулась почти детективная страсть к поиску идеального отреза. Руководство оценило её старания, и вскоре она стала лучшим сотрудником отдела.

Проходили дни, месяцы, и в один из суетливых дней она почувствовала, что, если не выйдет на воздух, просто захлебнётся в рутине. Решив развеяться, она надела роликовые коньки и отправилась на прогулку. Но день не задался: на неровном тротуаре она потеряла равновесие, упала и подвернула руку. В травмпункте выяснилось, что повреждение серьёзное — ей наложили гипс.

Несмотря на досаду и лёгкую боль, ей не хотелось сидеть взаперти. Ей хотелось увидеть новые лица, почувствовать пульс города. Поэтому ближе к вечеру она отправилась бродить по центру, пока ноги сами не привели её к бару «Brooklyn Vibe» — заведению в нью-йоркском стиле: кирпичные стены, приглушённый свет, неоновая вывеска и запах свежесваренного кофе, смешанный с ароматом виски.

В баре было уютно: приглушённый свет, аккуратные столики, а за стойкой — вереница цветных бутылочек, в которых, казалось, переливались отблески огней. Юлия заняла место у края барной стойки и стала наблюдать за ловкими движениями бармена, за отражениями в зеркале, за людьми, которые приходили и уходили. Она невольно улыбалась: атмосфера поне­многу отвлекала от неприятностей.

На Юлию обратил внимание парень, сидевший с другом на противоположном краю стойки. Он подошёл и тихо сказал:

— Мой друг хотел бы с тобой познакомиться... ну, точнее, это я хотел, а он меня подтолкнул.

На нём была белоснежная рубашка, которая изящно обрисовывала рельеф его тела и придавала всему облику оттенок статусности и сдержанной дороговизны. Оказалось, что оба — американцы; они неплохо говорили по-русски, но в основном общались на английском. Вскоре выяснилось, что «желание познакомиться» было лишь предлогом: на самом деле она приглянулась самому Джеку.

— Знаешь, я минут пять решался подойти, — признался Джек, чуть наклонив голову и глядя на неё с лёгкой улыбкой. — А потом подумал: если не сейчас, то когда?

Юлия рассмеялась, и в этом смехе было облегчение. Она приветливо помахала загипсованной рукой его другу — так энергично, что Джек невольно улыбнулся, а приятель Джека чуть не выронил бокал.

— А я думала, это он хочет познакомиться, — пошутила Юлия, чуть приподняв бровь.

— Он хотел, чтобы я подошёл, — спокойно сказал Джек, кивнув на друга, который тут же поднял бокал в шутливом салюте. — Я его должник.

— И, судя по размаху, долг немалый, — хмыкнул приятель, притворно потирая плечо, будто от невидимого удара гипсом. — Ещё пару таких приветствий — и придётся мне самому в травмпункт идти.

Когда Юлия рассмеялась вновь, Джек на миг замер: в её улыбке, в том, как мягко изогнулись губы, было что-то неуловимо знакомое — будто он видел эту улыбку в старых фильмах с Брижит Бардо. Она прикрыла рот здоровой рукой, и даже в этом будничном жесте сквозила та самая естественная притягательность, которую невозможно сыграть.

— Прости! Гипс будто сам собой машет — у него, кажется, своя воля.

Джек только покачал головой, в глазах у него плясали смешинки:

— Значит, теперь я точно должен тебя куда-нибудь пригласить — чтобы загладить вину за этот ураганный привет.

Они болтали, понимая друг друга благодаря её скромному, но достаточному знанию английского. Сначала Юлию смущала рука в гипсе, но тепло и искренность Джека быстро стёрли неловкость. Ей стало легко и спокойно — так, что о травме она вскоре и вовсе забыла.

Внезапно из колонок полилась ритмичная музыка — быстрая, упругая, с чётким битом, от которого само собой хотелось двигаться. Джек чуть наклонил голову, прислушиваясь, потом поднял глаза на Юлию и, показав кивком в сторону небольшого танцпола, тихо произнёс:

— А ну-ка, пойдём потанцуем?

Юлия улыбнулась — и в этой улыбке было столько свободы, что казалось, будто гипс вдруг стал невесомым. Она легко прыгнула с высокого стула у стойки, и её тело тут же подхватило ритм: плавные, но уверенные движения, в которых чувствовалась привычка быть в потоке. Она совсем забыла про руку — весь мир сузился до звука, шага и пространства между ними.

Она обратила внимание на его туфли из мягкой кожи: в каждом шаге Джека читалась выученность, будто он не раз уже делал эти повороты или всерьёз занимался современными танцами. Его движения были красивыми — точными, но не показными, словно танец для него был не демонстрацией, а способом говорить без слов.

Они двигались рядом, не всегда в унисон, но будто на одной волне: Юлия добавляла лёгкую импровизацию, Джек мягко подстраивался, иногда подавая знак поворотом головы или едва заметным жестом. Вокруг мелькали огни, тени скользили по кирпичным стенам, а в этом маленьком вихре ритма всё лишнее — боль, неловкость, будничная усталость — осталось где-то за пределами круга света.

Когда трек закончился, Юлия рассмеялась — и этот смех будто встряхнул застывший на миг воздух:

— Кажется, гипс теперь танцует сам по себе!

Джек только покачал головой, в глазах у него плясали смешинки:

— Значит, теперь я точно должен тебя куда-нибудь пригласить — чтобы ты танцевала просто так, без срочной необходимости спасти вечер.

В этих словах Юлия услышала не просто приглашение, а редкую смелость — готовность рискнуть, даже зная, что может получить отказ. Именно в этом и была настоящая храбрость. И, возможно, сильнее всего тянет именно к такой смелости — не к бесстрашию, а к готовности сделать шаг вопреки страху.

Вечер медленно опускался на город, укрывая улицы мягким полумраком. В баре становилось тише: кто-то уходил, кто-то пересаживался поближе к окну, а Юлия с Джеком всё ещё сидели у стойки — теперь уже не потому, что некуда было деться, а потому, что уходить не хотелось.

Бармен одним движением поставил перед ней бокал. В нём искрились кубики льда, а сквозь полупрозрачную жидкость пробивался мягкий янтарный свет ламп. Трубочка, небрежно воткнутая в коктейль, казалась чем-то почти детским — обещанием маленькой радости. Юлия провела пальцем по запотевшему стеклу: холод тут же отозвался лёгкой дрожью на коже, и этот простой, земной холод вдруг стал точкой опоры посреди всей этой городской суеты.

Она крутила в пальцах соломинку, улыбалась чему-то своему и вдруг подняла глаза на Джека:

— Знаешь, я сегодня столько раз хотела просто закрыться в квартире и никуда не выходить. А теперь думаю: если бы я не пошла гулять, если бы не упала, не поехала в травмпункт, не зашла сюда... мы бы не встретились.

Джек чуть наклонил голову, будто примеряя эти слова на себя, и тихо ответил:

— Иногда самое нелепое стечение обстоятельств оказывается самым правильным.

Вдруг остро почувствовалось, как быстро летит время. Ещё минуту назад она была просто уставшей девушкой с гипсом, а теперь мир будто стал чуть больше. И в этой внезапной широте было что-то несправедливое: молодость так щедро разбрасывает яркие моменты, будто их и правда хватит на вечность. А ты запоминаешь их не за обещание счастья, а за то, что в них впервые чувствуешь: жизнь идёт — и ты в ней не просто зритель.

Приятель Джека, допивая последний глоток, хмыкнул с доброй усмешкой:

— Ну вот, теперь я официально твой должник за этот вечер. Ты нашёл себе компанию, а я... я просто посижу и полюбуюсь, как всё начинает складываться.

Юлия рассмеялась, на секунду снова махнув гипсом — но теперь это был уже не неловкий жест, а часть её лёгкой, живой мимики, в которой не осталось ни капли стеснения.

— Ты правда хочешь куда-нибудь меня пригласить? — спросила она у Джека, чуть приподняв бровь.

Он улыбнулся — спокойно, без спешки, будто уже знал, что впереди есть время, чтобы всё сделать правильно:

— Хочу. И не ради того, чтобы «загладить вину». Просто хочу, чтобы ты танцевала не потому, что музыка застала врасплох, а потому, что тебе этого по-настоящему хочется.

В этих словах Юлия вдруг услышала нечто большее, чем приглашение — в них звучала редкая смелость: Джек знал, что может получить отказ, но всё равно решился сделать шаг. И в этом, пожалуй, и была настоящая храбрость — не отсутствие страха, а готовность рискнуть, несмотря на него.

За окном мягко зажглись фонари, и город будто выдохнул после суетливого дня. Юлия посмотрела на свой гипс, потом снова на Джека — и почувствовала, как внутри разливается то самое редкое тепло, когда понимаешь: сегодняшний вечер — не просто случайность. Это начало чего-то, что стоит прожить до конца.

И в этом была странная, почти пугающая красота: самые важные повороты жизни прячутся не в громких решениях, а в мелочах, которым мы не придаём значения. Падение на тротуаре, гипс, желание просто выйти на воздух, чтобы не задохнуться от рутины, — каждое из этих «пустяков» вело её сюда. И если сложить их вместе, они складывались в невидимую дорогу, которую она даже не выбирала. Иногда судьба не стучит в дверь торжественно, а тихо тянет за рукав, пока ты не обернёшься.

Часть 2. «Момент, который не стоило откладывать»

После той первой встречи между ними будто сама собой возникла эта странная лёгкость — без лишних объяснений и без необходимости что-то доказывать.

На следующий день они созвонились и, уже как хорошие знакомые, договорились просто прогуляться. Так потянулись несколько дней: встречи, неспешные разговоры, прогулки по московским улицам. Казалось, этого вполне достаточно — приятное знакомство без лишнего напряжения.

Они вышли из метро, и Юлия привычно ускорила шаг, стараясь не мешать потоку: нырнула в людскую реку, привычно подстроилась под её быстрый, чуть сердитый ритм. Джек шёл рядом спокойно, не пытаясь её «тащить» вперёд и не раздражаясь из-за медленных прохожих, которые вдруг замирали посреди перехода, разглядывая что-то в телефоне. Он просто шагал в своём темпе — ровно, без спешки, будто у него было столько времени, сколько нужно, и он не собирался ни с кем соревноваться за право пройти первым.

Юлия покосилась на него, потом вдруг остановилась на секунду, будто споткнулась не о ступеньку, а о саму эту его невозмутимость.

— Ты какой-то... не такой. Не как все, — сказала она, сама не зная, хочет ли похвалить или просто обозначить то, что никак не укладывалось у неё в голове.

Он чуть пожал плечами, не отводя взгляда от улицы, но как будто сразу целиком обращаясь к ней:

— Что значит «не такой»?

— Ну... ты не стараешься казаться сильнее, чем ты есть. Не доказываешь, что ты прав. Даже сейчас: тут все будто наперегонки бегут, а ты... будто тебе не нужно никому ничего доказывать.

Он усмехнулся — не высокомерно, а как человек, который давно понял какую-то простую вещь и теперь удивляется, что она кому-то кажется странной.

— Доказывать, что ты сильный, — это обычно про страх, что тебя сочтут слабым. Я не против быть неидеальным. И не против иногда просто идти и никуда не прорываться.

Они снова двинулись вперёд, и Юлия поймала себя на том, что теперь подстраивается не под толпу, а под его шаг — чуть более размеренный, без этой привычной внутренней спешки.

И в этой тишине между ними ей вдруг стало ясно: сила бывает не в том, чтобы пробиться, расталкивая всех локтями, а в том, чтобы остаться собой, когда вокруг все кричат.

Она вдруг почувствовала, как внутри что-то чуть-чуть расслабляется — будто ремень, который она носила годами, стал на дырочку свободнее. И это было странно, почти тревожно: ей казалось, что если она перестанет всё время быть начеку, мир тут же найдёт, куда ударить.

А Джек будто говорил без слов: «Можно не быть начеку каждую секунду. Можно просто идти рядом».

Среди всех этих маленьких, но важных деталей Юлия замечала ещё одну особенность в их разговорах... стоило ей углубиться в тему и, как это нередко бывает, начать мысленно достраивать события, рисовать в воображении разные варианты развития истории, он тут же мягко, но твёрдо её останавливал.

«Стоп, это лишнее», — говорил Джек, чуть приподнимая ладонь в лёгком жесте, будто отсекая всё лишнее. В его голосе не было раздражения — скорее спокойная уверенность человека, который привык опираться на факты, а не на домыслы. Для него избыточные предположения были словно лишний шум, мешающий слышать суть.

Пытаясь разгадать эту его собранность, она думала: то ли её отточили в New York University, где, по рассказам Джека, не загоняли мысль в рамки и одинаково ценили и бизнес, и искусство, и науку; то ли она просто выросла из семейных привычек. Он нередко упоминал, что рос в еврейской семье, где ценили ясность и не любили гадать на кофейной гуще.

При этом его внешность не укладывалась в привычные представления: не слишком тёмные волосы, голубые глаза. Юлия ловила себя на том, что мысленно пытается сложить эти два пазла, но никогда не спрашивала вслух. Ей не хотелось разрушать ту лёгкость, что сплеталась между ними, словно тонкий, но прочный шёлковый шнур.

Как-то раз она, вдохновлённая видом старого особняка на углу, вдруг сказала:

— Представь, мы заходим туда, а внутри — настоящий балльный зал, и там как раз начинается бал, и все смотрят на нас...

Джек улыбнулся, но не подхватил фантазию:

— Давай сначала узнаем, что там на самом деле. Может, там просто офис риелторов.

— Ты такой... приземлённый, — поддразнила она, но без обиды.

— Я такой... практичный, — парировал он, чуть прищурившись. — Но это не значит, что я не вижу твоего бала. Просто давай не будем путать реальность с кино.

Она послушно соглашалась, невольно подстраиваясь под его размеренный, реалистичный взгляд на вещи. Ей даже становилось любопытно наблюдать этот контраст: её воображение стремилось вперёд, забегая на несколько шагов, а он мягко возвращал её к настоящему, к тому, что уже было, к тому, что можно потрогать и увидеть. И в этой его собранности, в умении отсекал всё несущественное, было что-то надёжное — словно рядом с ним даже самые смелые фантазии не уносили её слишком далеко от земли.

Так незаметно потянулись недели: они гуляли по московским улицам, когда вечер уже опускался на город и неоновые вывески зажигались одна за другой; встречались после работы, чтобы выпить по чашке кофе и просто побыть рядом, не торопясь расходиться; заходили в небольшие рестораны, где заказывали что-то простое и подолгу говорили обо всём на свете. Иногда к ним присоединялся друг Джека — весёлый, немного шумный, он разбавлял их спокойные беседы своими историями, и Юлия смеялась, чувствуя, как с каждым днём эта маленькая компания становится ей всё роднее. Время шло, сплетая из этих будничных моментов что-то по-настоящему важное.

В последние дни Юлия замечала, что Джек будто стал чуть тише обычного, будто держал внутри какой-то тяжёлый груз. Он по-прежнему был собран, по-прежнему не тянул время и не прятался за словами, но в его спокойствии появилась новая нота — усталость, которую он не хотел выставлять напоказ. Она видела, как привычно уверенно он держится, и всё же в нём теперь чувствовалась какая-то внутренняя перегрузка — будто пружина, которая долго держала форму, начала понемногу сдавать.

И вот однажды, когда они шли по набережной, и ветер гнал по асфальту сухие листья, Джек остановился, посмотрел на тёмную воду и вдруг сказал:— Меня сократили в банке, где я работал.

Пауза повисла между ними, но не была неловкой: Юлия просто стояла рядом, давая ему пространство для слов. — Знаешь, я давно думал, что мне нужно выдохнуть, — продолжил он чуть тише. — И у меня есть идея: давай съездим в Нью-Йорк, всего на десять дней. Это мой город, я там вырос, и сейчас мне хочется показать его именно тебе — не открытки и не путеводители, а тот Нью-Йорк, который знаю я. Понимаю, это звучит как авантюра... но мне кажется, сейчас самое время. Я всё устрою, тебе ни о чём не придётся беспокоиться.

Но всё изменилось, когда однажды она заметила, что Джек непривычно молчалив, будто каждое слово даётся ему с усилием. После небольшой паузы он наконец признался: — Меня сократили в банке, где я работал. Ещё одна тишина повисла между ними — и в ней Джек неожиданно предложил Юлии поехать с ним в Америку: всего на десять дней, как в отпуск. Она действительно не брала отпуск: её главной целью были деньги и прочное устройство в Москве.

И действительно всё будто замерло в этот 2013 год словно повисло в воздухе: в разговорах, в ритме города, в самом ощущении возможностей — и хрупкости. В те дни все говорили про волатильность курса и внезапные сокращения звучали повсюду — так что новость не стала громом среди ясного неба. Но одно дело — слышать, и совсем другое — стоять рядом с человеком, у которого только что обрушилась привычная лестница.

Рынок тогда развивался стремительно, и эта скорость сама по себе была ловушкой: сегодня ты на ступеньке, а завтра её просто убирают. Одно резкое решение руководства, одна волна сокращений — и твоя лестница вдруг оказывается шаткой.

И вот теперь Джек, человек, который всегда говорил спокойно и по делу, стоял перед ней немного растерянный. Он не оправдывался, не искал виноватых — просто буднично сообщил о сокращении, а потом так же буднично, будто пытаюсь удержать хоть что-то под контролем, предложил эти десять дней в Америке.

— Понимаю, это звучит как авантюра, — сказал он, глядя ей прямо в глаза, без пафоса, просто и честно. — Но мне хочется показать тебе этот город. Не открытки и не путеводители, а свой Нью-Йорк.

Глаза девушки загорелись: она почти не раздумывала. Оставить дела, сорваться с места, увидеть другую страну — такой шанс выпадает нечасто. В груди бурлило предвкушение, вытесняя любые сомнения. Но в ту же секунду мелькнула и другая мысль — о тёте, о квартире, о работе, которая только начала приносить уверенность.

— Мне нужно позвонить тёте, — тихо сказала Юлия, будто сама себе напоминая, что у неё есть не только этот импульс, но и ответственность.

— Конечно, — кивнул Джек. — Я подожду. И если ты скажешь «нет» — я пойму.

— Я не скажу «нет», — улыбнулась она, чувствуя, как внутри всё подпрыгивает от волнения. — Просто хочу, чтобы она знала, что со мной всё в порядке.

Она набрала номер, и пока в трубке шли гудки, время будто замерло. Тётя ответила сонным, но таким родным голосом, и Юлия вдруг почувствовала, как сильно ей хочется удержать в словах и эту минуту, и этот город, и человека, стоявшего рядом.

— Всё хорошо, тётя, — проговорила она, и голос её звучал твёрже, чем она ожидала. — Я... я еду в Нью-Йорк. Всего на десять дней. Не волнуйся, я буду на связи.

Тётя помолчала, словно примеряя эту новость к привычному порядку вещей, а потом тихо вздохнула:

— Ну что ж... Ты всегда была той, кто не сидит на месте. Только береги себя, ладно?

— Ладно, — улыбнулась Юлия, и в этой улыбке было и облегчение, и восторг, и крошечный укол вины, который она тут же отогнала прочь. — Обещаю.

Положив трубку, она подняла глаза на Джека и кивнула:

— Поехали.

Тот улыбнулся — не широко, не театрально, а так, будто именно этого кивка он и ждал. И в этом спокойном согласии было что-то важнее любых слов: они вдвоём бросали вызов обыденности, позволяя моменту стать началом чего-то большого.

Выдохнув, Юлия почувствовала, что теперь, когда всё решено, можно наконец отпустить напряжение. Билеты были забронированы в тот же вечер. Документы, сборы, последние звонки — всё слилось в один стремительный вихрь, где не оставалось места сомнениям. И когда самолёт оторвался от взлётной полосы, Юлия смотрела в иллюминатор на исчезающие огни Москвы и думала: иногда самое правильное решение — то, что принято не по плану, а по зову сердца.

А впереди её ждал Нью-Йорк — город, который обещал не сказки, а настоящие истории. И одну из них ей предстояло прожить самой.

Часть 3. «Полёт в сказку: Нью-Йорк»

Портал между двумя жизнями распахнулся неожиданно — просто щёлкнул ремень безопасности, взревели двигатели, и Москва начала растворяться в облачной дымке. Юлия летела из «как было» в «как могло бы быть», и этот перелёт ощущался как шаг в другую реальность, в сказку под названием Нью-Йорк.

В груди всё трепетало от предвкушения, и вместе с тем где-то в глубине шевелился тихий страх: а вдруг этот город окажется совсем не таким, каким она его себе придумала? Вдруг вместо волшебства будет просто шум, суета и чужие лица, которым нет до неё никакого дела?

Но стоило ей выглянуть в иллюминатор и увидеть, как земля уходит вниз, уступая место бескрайнему небу, как тревога растаяла — осталось только ожидание чуда.

Город встретил её шумом, светом и бесконечным движением. Когда они подошли к дому Джека, Юлия невольно задержала взгляд на фасаде: здание 1930-х годов, старое, но не обветшалое, а собранное, как хорошая фраза. По карнизу и над окнами тянулась изящная лепнина — в ней чувствовалась та самая аккуратность, которая бывает, когда архитекторы ещё верили, что дом должен быть не только укрытием, но и украшением улицы.

Дом был невысоким, но стоял так прочно и с таким достоинством, что небоскрёбы вокруг будто не спорили с ним, а уступали место. Вид на Центральный парк из окон казался особенно драгоценным: будто кусочек тишины специально оставили для тех, кто умеет его замечать.

В квартире царил ар-деко — но не музейный, а живой: зеркала в массивных рамах, узоры, строгая геометрия. Большие окна на парк работали как главная сцена: пространство раскрывалось, и город входил внутрь, не тревожа покоя.

Родители Джека выкупили целый этаж — и это поразило Юлию больше всего. В Нью-Йорке простор ценится дороже золота, а тут была огромная площадь, множество комнат, непривычная планировка: длинные коридоры, высокие потолки и окна в пол, сквозь которые лился ровный свет. Юлия вдруг особенно остро поняла, что в мегаполисе каждый луч солнца на счету — и здесь его действительно берегли, пускали в каждый угол, заставляли работать на ощущение простора.

По словам Джека, родители сделали это, чтобы у него всегда оставалось своё надёжное место в городе, даже когда сами они перебрались во Флориду — туда, где можно наслаждаться покоем и тишиной вдали от суеты. Теперь он жил здесь один, и эта просторная квартира будто хранила в себе и родительскую заботу, и дух большого города одновременно.

Юлия встала у окна, и вид сразу всё расставил по местам: за стеклом раскинулось зелёное море Центрального парка среди каменных волн города. Контраст завораживал: плотная, стремительная жизнь мегаполиса и тихая зелень, будто спрятавшая в себе маленький остров покоя. Ей вдруг подумалось, что именно так и устроена жизнь в большом городе: ты всё время бежишь, толкаешься, стараешься успеть, а потом находишь одну;единственную точку, где можно просто постоять и выдохнуть. И если ты умеешь замечать такие точки, город перестаёт быть врагом — он становится соавтором твоей истории.

Вместо сухого справочника Юлия будто слышала тихий рассказ Джека — он говорил неторопливо, чуть наклоняя голову, словно сам заново открывал для себя знакомые факты: «Манхэттен — это сердце города, его историческое ядро. Густонаселённый, живой, он будто собирает в себе всё сразу: культуру, деньги, историю. Он стоит в устье Гудзона, вытянулся островом, и улицы тут устроены хитро: вдоль идут авеню, поперёк — стриты. А в самом центре, будто зелёное лёгкое города, раскинулся Центральный парк — один из самых больших городских парков в мире. На юге кипит деловая жизнь: там Уолл-стрит, штаб-квартиры, старые здания, в которых до сих пор слышно эхо больших решений. А мосты и тоннели связывают остров и с другими районами Нью-Йорка, и даже с Нью-Джерси — словно нитями, что держат весь город вместе».

Юлия слушала, и ей казалось, что в его словах звучит не просто перечисление фактов, а тихая гордость человека, который многое повидал и потому умеет ценить то, что имеет. Видимо, ему было с чем сравнивать: он бывал во многих местах, но именно этот город сумел завладеть его сердцем — и теперь ему хотелось передать Юлии хотя бы малую часть своего восхищения, показать, насколько Манхэттен замечателен. Она посмотрела на него — и задержала взгляд на его лице. В нём сейчас не было ни суеты, ни показной бравады, только спокойная уверенность и та самая искренняя привязанность, которую не прячут. И в этом она прочла и гордость за свой город, и благодарность за то, что живёт именно здесь. Юлия вдруг почувствовала, как это тепло передаётся ей — будто он делился не сведениями, а частичкой своего дома.

Именно этот контраст — строгая геометрия улиц, деловая энергия юга и зелёное сердце парка — Юлия теперь видела прямо из окна, и город представал перед ней не просто как набор достопримечательностей, а как живой, сложный организм, где каждый район дышал по-своему.

Джек оплатил всю поездку, и для Юлии это было одновременно волнительно и неловко. С одной стороны, в его заботе чувствовалась надёжность — будто кто-то на время взял на себя тяжесть решений, позволив ей просто быть и смотреть по сторонам. С другой — ей хотелось самой отвечать за себя, не становиться «гостьей, которую везут». Но в этот раз она решила не спорить: пусть эти десять дней будут про то, чтобы просто дышать и смотреть, как город раскрывает свои слои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.